— Перси. Проснись.

А? С трудом открываю глаза и с размытым, дезориентирующим зрением обнаруживаю, что смотрю на мрачный каменный потолок, покрытый мхом. Моя голова пульсирует с каждым ударом сердца, а мысли с трудом укладываются в голове, пока я пытаюсь осмыслить вчерашние события. Я никогда раньше не напивался, но если бы я это сделал, держу пари, именно на это было бы похоже пробуждение с похмелья.

— Ух ты… Где я?

Я сажусь, морщась от сопутствующей боли в затекших мышцах. Я поднимаю руку, чтобы потереть затылок, пытаясь облегчить эту убийственную головную боль, но останавливаюсь, пораженный внезапным звуком дребезжащего металла и незнакомой тяжестью, давящей на мои запястья. Подняв руки к лицу, я обнаруживаю, что они скованы вместе толстыми металлическими кандалами.

— Что?

Я инстинктивно пытаюсь снять наручники, поворачивая запястье, но они тугие, едва ли сдвигаются на дюйм от моих движений. Тогда ладно. Как насчет того, чтобы разорвать их? Полагая, что моя природная доблесть полубога и сила, подпитываемая проклятием Ахилла, могли бы что-то сделать, я пытаюсь развести руки мощным рывком, но безуспешно, кандалы отказываются сдвинуться с места. Из-за всей этой возни с моими наручниками звенит металлическая цепь, прикрепленная к моим наручникам. Замечая звук и цепи, я прослеживаю звенящие железные звенья от своих запястий к круглому металлическому крюку, закрепленному в стене за моей головой.

— Я в тюрьме?

Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в комнате размером не более 8 на 12 футов, окруженной с трех сторон плоскими каменными стенами. Единственный вход в комнату - дверь камеры. Без окон или других отверстий для вентиляции воздух болезненно спертый. В комнате также нет света, единственными источниками света являются тусклые лучи, пробивающиеся сквозь стальные прутья двери моей камеры. Помимо кровати, на которой я сейчас лежу, единственной другой мебелью в камере является простое деревянное ведро в углу. Боги, я надеюсь, что это не то, что я думаю.

Я должен убираться отсюда! Сбрасываю с себя одеяло, обнажаю ноги, обнаруживаю еще одну пару наручников, застегнутых на лодыжках. В отличие от моих рук, мои ступни были скованы вместе более длинной цепью. Достаточно длинный, чтобы я мог расставить ноги и по-настоящему ходить, но недостаточный для бега. И, судя по длине железных звеньев, приковывающих мои руки к задней стене, похоже, что этих цепей как раз достаточно, чтобы помешать мне добраться до двери. Если я когда-нибудь собираюсь выбраться отсюда, мне нужно будет найти способ разорвать эту цепь.

Обернув звенья вокруг своих запястий в наручниках, чтобы сократить длину и обеспечить лучший захват, я дергаю цепь, проверяя ее прочность. Кажется, я могу найти любые слабые звенья, а крюк в стене, к которому она прикреплена, кажется довольно надежным и глубоко вмурованным в каменный кирпич. Смогу ли я разорвать его или оборвать цепочку? Сделав пару быстрых рывков подряд и произведя при этом изрядный шум, крючок и звенья выдержали мои испытания, не треснув и не сдвинувшись ни на дюйм.

— Стоп! Они тебя услышат!

— А?!

Я замираю во всех своих движениях и внимательно прислушиваюсь, становясь сверхчувствительным к любому шуму. Что это был за голос? И о ком они меня предупреждают? Там! Прямо за моей дверью я слышу тихое бормотание, похожее на приглушенный разговор двух людей. Наклонившись вперед и приложив ладонь к уху, я подслушиваю их разговор.

— Я не могу поверить, что они его отпустили. — Говорит один из голосов. Он более глубокий, вероятно, принадлежит мужчине.

— Что ж, он действительно помог обеспечить первую победу человечества. — Этот голос немного мягче, чем первый, но все равно грубый, скорее всего, он тоже принадлежит чуваку.

— Да, но до этого парень был совершенно неуправляем. — отвечает первый голос.

— Он все еще выполнял свою работу, не так ли?

— Подожди секунду, ты же не можешь всерьез доверять этому парню, верно? Я слышал, что один из людей, на которых он напал, был его близким другом!

— Нет, я согласен. Он опасен. Военной полиции не следовало отдавать его скаутам.

— Серьезно. Вы видели большой камень, который он нес в Трост?

— Да, чувак, это было огромно. Полностью закрывало все ворота.

— Ну, просто представь, что он может натворить, если снова сойдет с ума. От одной мысли об этом меня бросает в дрожь. — Первый голос на секунду замолкает, затем продолжает. Мысленно я представляю, как охранник заметно вздрагивает от непроизвольной дрожи. — Правительству следовало бы запереть его и выбросить ключ. Вместо этого он шляется неизвестно где с этими маньяками-самоубийцами.

— Поверьте мне, все думают об одном и том же. Я надеюсь, что они не совершат ту же ошибку

с этим парнем.

— О, они этого не сделают, учитывая всю негативную реакцию, которую они получили. Ходят слухи, что король уже принял решение по этому делу. Следующее судебное дело - просто фикция.

Неконтролируемый приступ кашля быстро проявляется в задней части моего горла. Я и не заметил, как пересохло у меня в горле. Как долго я был без сознания? Не в силах сдержать неконтролируемый порыв, мой рот извергается в грубом приступе кашля. Я пытаюсь сдержаться, но от этого становится только хуже, и простой кашель превращается в такой звук, будто я делаю выпад.

— Он проснулся!

Пытаясь и не сумев сдержать кашель, я поднимаю голову и вижу, что оба охранника заглядывают в мою комнату через дверь камеры. Хорошие новости, по крайней мере, меня не похитили монстры. Мои охранники - всего лишь двое невзрачных мужчин с нулевыми выдающимися чертами лица, которые позволили бы им легко выделиться в толпе. Похоже, они одеты в стандартную военную одежду, состоящую из короткой светло-коричневой куртки, простой белой майки, белых брюк с коричневыми кожаными сапогами до колен и темно-коричневого пояса вокруг бедер.

— Я сообщу командиру Эрвину, что заключенный очнулся. Вы остаетесь здесь. — Говорит охранник справа.

— Хорошо! — Отвечает другой охранник, когда его приятель быстро скрывается из виду.

— Итак... Как дела? — Я неловко спрашиваю оставшегося охранника, пытаясь завязать разговор. Он не отвечает, никак не реагируя на мой вопрос. — Ю-ху! Ты меня слышишь? Что я здесь делаю? Что это за место?

— Мне было приказано не разговаривать с заключенным. — Охранник официально отвечает.

— Э-э, но вы только что это сделали?

Охранник хмурится и хмурит брови, но держит рот на замке. Думаю, это все, что я собираюсь от него получить на данный момент. Я уже чувствую, как мой СДВГ начинает действовать, побуждая меня встать и что-то сделать. Я начинаю вертеть большими пальцами, но это не помогает от зуда. Встревожен и на взводе,

Я сбрасываю с ног остатки покрывала и провожу руками по своим растрепанным волосам, изо всех сил стараясь привести их в надлежащий вид в попытке придать себе более презентабельный вид. Вытирая нервный пот со лба, я начинаю разглаживать рубашку и брюки,

чтобы разгладить их складки.

http://tl.rulate.ru/book/100724/3507865